
**ПРОБЛЕМА БЕСПРИЗОРНОСТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА:
К ВОПРОСУ О МИФОЛОГЕМАХ «ДОМ» И «СЕМЬЯ»
(на примере произведений А. Неверова, В. Шишкова,
Л. Пантелеева и Г. Белых, А. Приставкина, В. Крапивина)**

Л.Г. Головина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1-й гуманитарный корпус, Москва, Россия, 119991

Рассматривается проблема беспризорности в русской литературе и ее трансформация в связи с изменением политической ситуации в стране. Автор статьи останавливается на наиболее значительных произведениях названной тематики, выявляя в них мифологемы «дом» и «семья».

Ключевые слова: беспризорность, мифологема, дом, семья, архетип странника.

Русская литература, многие века существовавшая исключительно в рамках православной культуры, даже насильно выкинутая из них, не могла не остаться имплицитно «христианской». Из-под ее ног была выбита социально-религиозная опора, но саму православную почву, на которой она родилась и десять веков произрастала, уничтожить было невозможно. Благодаря такой генетической памяти русская литература никогда не утрачивала способности остро реагировать на жестокость, боль и горе простых людей. Именно поэтому тема беспризорности — проблемы невиданного масштаба, возникшей в России в 1920-е гг., — не могла остаться ею обойденной.

Перечень авторов, обращавшихся на страницах своих сочинений к теме беспризорности и сиротства в первые послереволюционные годы и вплоть до начала 1930-х гг., огромен. Часто их произведения обладали невысокой художественностью, отличались схематизмом повествования, но и среди этих авторов были такие, чье творчество достойно упоминания.

Первым в ряду значимых писателей советской эпохи, осветивших тему детского бродяжничества, стал *Александр Неверов*. В 1923 г. выходит в свет его повесть «Ташкент — город хлебный». В ней за сюжетную основу взяты события, разразившиеся в 1921 г. в Поволжье, а именно страшный голод, явившийся следствием летней засухи. Герой — двенадцатилетний Мишка Додонов — отправляется в долгую дорогу в Узбекистан, чтобы заработать денег и привезти зерна. Это произведение отчасти автобиографично: будучи родом из Самарской губернии, Неверов отправился в числе многих других добывать для своей семьи хлеб в среднеазиатскую республику. Интересно упомянуть критический отзыв А.К. Воронского о повести. В произведении есть эпизод, когда маленький Мишка бредет по степи к одинокой железнодорожной станции. Критик увидел в этой картине стремление автора к художественной универсализации и созданию символического образа: «Вот она, новая Америка, дорога незабываемых, самых фантастических приключений, путь новых Следопытов, Зверобоев и Эль-Солей, перед чем

меркнут самые поразительные фантазмы любого романиста! И не так ли шествует новая Русь советов в поисках „Града взыскующего“, нового Ташкента, страны, где не будет страды людской и прежде всего детской?..» [3. С. 229]. В контексте рассматриваемой нами проблемы беспризорничества в литературе этот отзыв примечателен тем, что, по сути, указывает на миф о земле обетованной, а долгое и трудное путешествие героя объясняет поисками этой земли. В связи с этим можно говорить об образе дороги, столь важном для всей русской литературы, избилующей скитальцами и героями-правдоискателями, и архетипе странника, неразрывно с этим образом связанным. Этот архетип вынесен в название другого произведения той эпохи на тему беспризорничества — романа **Вячеслава Шишкова** «Странники». То, что в художественном мире некоторых писателей советского времени проблема беспризорности связана именно со странничеством, неслучайно. Нам представляется, что это можно объяснить еще сильным влиянием как традиции литературы XIX в. и ее героями, ищущими, «кому на Руси жить хорошо», так и влиянием литературы модернизма, в которой ярко выразился комплекс сиротства интеллигенции, тотальный мировой хаос и поиск выхода из него. Позже, в 1930-е гг., архетип странника будет также активно использоваться как в произведениях реалистических («Тихий Дон» М. Шолохова), так и в шедеврах неклассической прозы («Чевенгур» А. Платонова).

В романе В.Я. Шишкова «Странники» повествуется о беспризорниках, перековавшихся в достойных граждан социалистического общества. Его можно отнести уже к ранним образцам романа-воспитания. Герои, пройдя круги ада беспризорности и преступной жизни, выходят после своих скитаний на путь истинный, т.е. становятся представителями рабочего класса. Нужно отметить, что беспризорничество было «удобной» темой для претворения в литературе социалистических идей воспитания нового человека. Так как последнее мыслилось как возможное только в контексте полного отказа от всего личного, т.е. от семьи и родного дома, образ беспризорника становился идеальным для созидания из него строителя коммунистического общества. В этом произведении писатель не прибегает к использованию эвфемизмов, описывая правдивое состояние дел. Дети улиц в 1920—1930-х гг., неминуемо попадавшие в криминальную среду и в сферу проституции, не только физически растлевались, но и ломались психологически. Поэтому любое стремление рассказать о проблеме «без прикрас» априори не могло быть связано с тем привычным для классической литературы XIX в. описанием детей и детства. Изображение скитающихся по бескрайним просторам родины детей-сирот в литературе XX столетия было совсем иным: благопристойных, вызывающих умиление и жалость ребят сменили грязные, оборванные, ругающиеся матом и пьющие водку малолетние преступники. Дети, выведенные на страницах романа Шишкова, выпивают, нюхают кокаин, устраивают массовые побоища, поражающие своей жестокостью. Тем не менее автор не изображает их как людей, пропавших для общества, окончательно падших и погрязших в пороках. В каждом из главных героев теплятся и чувство доброты, и чувство любви к ближнему, в ком-то в большей, в ком-то в меньшей степени. Описав все ужасы беспризорной жизни, Шишков заканчивает свое произведение на оптимистиче-

ской ноте. Финал окрашен светлыми тонами надежды на начало новой счастливой жизни в кругу настоящей семьи, которую обретает каждый из главных героев.

Однако, безусловно, самым знаменитым произведением об уличных подростках советской эпохи является повесть «Республика Шкид». Написанная бывшими беспризорниками *Леонидом Пантелеевым* и *Григорием Белых*, она является достоверным отражением воспоминаний авторов. Здесь мы снова, как и в повести Неверова, и романе Шишкова, сталкиваемся с особыми проявлениями и характерными чертами литературы модерна, а именно универсальными образами и мотивами. Но если в первых двух произведениях можно говорить о некоем отдаленном сходстве с архетипом странника, то в «Республике Шкид» художественная организация текста выходит на мифологический уровень. Мы считаем возможным на фоне историко-культурных событий 1920—1930-х гг. говорить об особых мифологемах в повести, каковыми являются, с нашей точки зрения, мифологема дома и семьи. «Неомифология в значительной мере подобна „философии рассеяния“, кладущей в свою основу всяческие антитезы. Она отмечена энергией, расчленяющей мир и его феномены», — отмечает в своей статье известный теоретик литературы В.Е. Хализев [6]. На примере повести «Республика Шкид» мы можем увидеть подтверждение вышеозначенной характеристики мифотворчества XX в. Главными антитезами в произведении становятся дом и не дом, свой-чужой. Именно на эти категории рассекается мир для маленьких «республиканцев». Томас С. Элиот в своей рецензии на появление романа Джойса «Улисс» пишет: «Использование мифа, проведение постоянной параллели между современностью и древностью... есть способ контролировать, упорядочивать, придавать форму и значение тому громадному зрелищу тщеты и разброда, которое представляет собой современная история» [7. С. 163]. Пример подобной деструкции лежит в основе повести «Республика Шкид». Но такая деструкция в рамках художественного текста пытается преодолеть саму себя, пытается найти решение проблемы разобщенности, стремясь к единению и соборности. «Поэтика мифологизирования не только организует повествование, но служит средством метафорического описания ситуации в современном обществе», — такую особенность литературной неомифологии XX в. выделяет Е.М. Мелетинский [5. С. 372]. Школа имени Достоевского—Шкида — предстает перед читателем как раз такой метафорой-мифологемой дома, показывающей трагическую ситуацию разрушения института семьи, разобщения между родителями и детьми. Надо отметить, что произведений, написанных самими бывшими беспризорниками, было очень много. На начальном этапе их вхождения в литературу этому способствовала установка сверху о поощрении литературной активности таких авторов. Это привело к широкомасштабным публикациям низкопробных произведений, весьма далеких от литературы как таковой. Тем не менее в среде детей, выросших и воспитавшихся в детдомах, появилось немало хороших писателей, сумевших правдиво и красочно рассказать читателю о скитаниях и сиротском детстве.

После войны в литературе, и не только в детской, была распространена «теория бесконфликтности». Попытки писать правдиво жестко пресекались. После

победы над фашизмом нужно было во всем придерживаться победного, «мажорного» тона, невзирая на то, что до дня победы были четыре долгих года бедствий и миллионы человеческих смертей. Теория оказалась живучей, просуществовав до 1960-х гг. П. Вайль и А. Генис в своей монографии «1960-е. Мир советского человека» так оценили пропагандируемую «бесконфликтность»: «Мир взрослых был щедр, и могуч, и интересен. Он был строг, но справедлив. Ребенок видел его только таким, каким взрослый мир хотел себя показать. Дети не должны были знать о существовании денег, очередей, боли, смерти. Дети и не знали. То есть в их конкретной, уникальной ситуации все это было... Но зло казалось ненормальным исключением из стопроцентно нормального мира. Оно никак не омрачало праздник, потому что плохое было здесь и сейчас, а хорошее всегда и повсюду» [2. С. 113]. В эти годы стало активно развиваться направление деревенской прозы. Тема сиротского детства раскрывается в ней полно и ярко. Образы детей сирот выведены у *Фёдора Абрамова* в первой части тетралогии «Братья и сестры», в которой рассказывается в частности о судьбе семьи Пряслиных, потерявшей в годы войны своего кормильца. Абрамов рисует мальчишку-подростка, мужественно взявшего на себя роль главы семейства, заботу о матери и младших братишке и сестренке. В контексте произведений, рассказывающих о судьбах осиротевших детей и таких же осиротевших взрослых, в ряду самых значимых следует назвать «Судьбу человека» *Михаила Шолохова*. Этот, по меткому выражению Н.Л. Лейдермана, «монументальный рассказ» ознаменовал целую веху в истории советской литературы. Именно с его публикации в 1957 г. начинает сходиться на нет теория бесконфликтности. Шолохов в этом произведении проповедует «мысль семейную», которая заключается в том, что два человека, потерявших семью, могут и должны переживать свое горе вместе, создать новую семью и продолжать жить. В повести Шолохова так и происходит — «два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы», становятся одной семьей... В 1960-е гг. выходит на литературную арену молодой писатель *Виктор Астафьев*. Первая часть его романа «Последний поклон», посвященная детству писателя, знакома каждому со школьных лет. В зарисовках из деревенской жизни много горечи, страдания, суровой правды сиротской жизни, однако перед нами пример произведения о детстве, которое проникнуто светом и романтикой этой прекрасной поры. Ребенок, росший без родителей, представлен вовлеченным в единство с деревенскими жителями, с природой родного края, со всем бесконечным миром, который он любит и стремится познать. И это особое чувство единения притупляет боль сиротства маленького Вити. Несмотря на постоянную органическую включенность темы беспризорности и сиротства в советскую литературу в 1950—1980-е гг., произведений, где бы она выступала в качестве главной, не так уж много.

В 1980-е гг. к этой проблеме обращается уже ставший известным благодаря циклу документальных повестей и некоторым военным рассказам писатель *Анатолий Приставкин*. В 1987 г. была опубликована его повесть «Ночевала тучка золотая», описывающая нелегкое детство ребят из детских домов, которое было

знакомо писателю не понаслышке — Приставкин сам являлся воспитанником детдома. Однако в своем произведении автор поднял не только проблему детей-сирот, оставшихся на попечении воспитателей в трудные военные годы. Приставкин также освещает тему депортации малых народностей, проводимую в СССР, а именно чеченского народа в 1944 г. Здесь писатель поднимает проблему не только детей, оставшихся без дома, но и взрослых, насильно этого дома лишенных. В повести описано путешествие двух главных героев, братьев Кузьминых, на Кавказ. Такая «сказочная поездка» на Кавказ, о котором мечтали все воспитанники Томилинского детдома и который представлялся им настоящим раем на земле, стала возможна в рамках правительственной программы о заселении территории депортированного чеченского народа. Здесь мы снова встречаемся с реализацией мифа о земле обетованной. Однако сказка оборачивается великим горем. Один из братьев-близнецов погибает в учиненной горцами расправе над русскими солдатами, второго отправляют в поезд вместе с другими детьми, которым предстоит быть распределенными по разным детдомам. На протяжении всего произведения Приставкин подчеркивает отсутствие понятие «семья» в мировосприятии Кузьмёнышей. Семей друг для друга были они сами: они не только были одинаковые внешне, но и воспринимали себя как один организм, а не как двух отдельных человек. Они и представлялись, как правило, не по имени, а просто — Кузьмёныши, во множественном числе. Последние страницы повести проникнуты глубокой скорбью ребенка — оставшегося в живых Кольки Кузьмина. Раннее детское сердце, пережившее смерть брата и предательство «почти мамы» воспитательницы Регины Петровны, уехавшей из станицы, не разыскав близнецов, ждало человека, способного заполнить образовавшуюся пустоту. Названным братом для Кольки становится мальчик-чеченец Алхузур, оставшийся без родителей и родственников, которые были убиты во время сталинской кампании против этого народа. Приставкин в своем произведении актуализирует тему братства всех людей на земле, вне зависимости от национальной или расовой принадлежности, тем самым также реализуя в повести мифологему семьи.

В 1990-е гг., на литературную арену выходит постмодернизм, фактически вытесняя другие направления. Писать о беспризорниках перестали (по крайней мере ни одно произведение не получило общественного или просто литературного резонанса) — отображать действительность не входило в концепцию и задачи, которые ставили перед собой представители такого художественного метода, как постмодернизм. Ввергнутое в новую страну, в которой были провозглашены совершенно иные законы, общество в очередной раз пережило чувство сиротства, потерю Родины. Все население стало вновь беспризорным. С одной стороны, постмодернизм, как система, тяготеющая к изображению универсалий, как нельзя лучше отобразил эти веяния и настроения. С другой стороны, были утеряны, оставлены «за бортом» проблемы частные, но в не меньшей степени отражающие общую картину тотального хаоса. Одной из таких «частностей» и стала проблема беспризорничества, находившая выход на уровне газет и авторских телепередач. К счастью, в детской литературе она нашла серьезное художественное воплощение — в фантастике *Владислава Крапивина*.

Владислав Крапивин во многом опирается на опыт произведений о беспризорниках, написанных в XX в. Цикл «В глубине Великого Кристалла» создавался в преддверии этих событий — в конце 1980-х — начале 1990-х, когда в стране проходили не менее тяжелые перестроечные процессы. Писатель уже тогда предвидел, как построение нового общества скажется на детях. Осознав несвоевременность реализма, в том числе и для детской литературы, автор ищет адекватные способы для изображения ситуации разрушения института семьи. И этот способ он находит в неомифологизме. Крапивин использует миф как метод, не только позволяющий по-особому организовать художественное пространство произведений, но и помогающий углубить их философское содержание, выйти на онтологические темы. Системы образов и персонажей цикла о Великом Кристалле — это сложноорганизованные структуры, включающие в себя наряду с конкретными образами архетипические. Среди самых значимых появляющихся на страницах повестей и романов цикла можно выделить архетип ребенка, отца и матери. Это не исчерпывающий ряд универсальных образов в цикле, помимо перечисленных в произведениях появляется также архетип героя и странника. Однако именно детский и родительские архетипы в немалой степени способствуют возникновению в художественном мире Кристалла мифологем дома и семьи.

Крапивин реализует в своем фантастическом цикле представления о мире как о большом Доме. А особое устройство представленного писателем мироздания позволяет ему продемонстрировать разобщенность людей, живущих на разных гранях. По сути, почти все герои-дети у писателя — беспризорники, так как попадают под это определение либо в узком, либо в широком понимании слова. В узком смысле это те, которые по сюжету принадлежат к сообществу бездомных детей, к «гражданам» улицы, часто ведущим криминальный образ жизни. Главные персонажи — дети-койво — никогда не являются беспризорниками в прямом смысле слова, однако нередко их пути пересекаются с жизнью этих уличных мальчишек и девчонок. Койво же оказываются бездомными в широком понимании слова. Их настоящий дом выполняет только функции, обусловленные его архитектурно-строительным предназначением. Из концепта «дом» с большим семантическим полем, включающим семью, любовь, защиту, он превращается в лексему, имеющую одно предметное значение. Мифология, к использованию которой прибегает автор, помогает поднять проблему беспризорности с уровня временного и местечкового явления, на уровень вневременной и мировой.

Русским писателям XX в. было важно подчеркнуть явление беспризорности живой человеческой души, оказавшейся неприкаянной и не сумевшей адаптироваться к существованию в условиях новой жизни. Архетип странника, характерный для литературы о беспризорниках, и мифологемы семьи и дома — центрообразующих начал всего макрокосма для русского человека, на наш взгляд, помогают авторам в рассмотренных выше произведениях передать читателю чувство «все-ленского» одиночества, которое в разной степени коснулось в XX веке — веке войн и революций — почти каждого.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] История русской литературы XX века. 20—50-е годы. Литературный процесс. — М.: Изд-во Московского университета, 2006.
- [2] *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. — М., 2001.
- [3] *Воронский А.К.* Прозаики и поэты «Кузницы» // Воронский А.К. Литературно-критические статьи. — М., 1963. — С. 183—244.
- [4] *Воронский А.* Литературно-критические статьи. — М.: Советский писатель, 1963.
- [5] *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. — М.: Наука, 1976.
- [6] *Хализев В.Е.* Мифология XIX—XX вв. и литература // Вестник МГУ. Серия «Филология». — 2002. — № 3. — С. 7—21.
- [7] *Элиот Т.* Бесплодная земля. — М., 1971.

THE PROBLEM OF HOMELESSNESS IN RUSSIAN LITERATURE OF XX CENTURY: ABOUT MYTHOLOGEMS «A HOME» AND «A FAMILY» (on works of A. Neverov, V. Shishkov, L. Panteleev and G. Belyh, A. Pristavkin, V. Krapivin)

L. Golovina

Moscow State University

Leninskie gory, the first building for humanities, Moscow, Russia, 119991

The article covers the problem of homelessness in Russian literature and the way it changes depending on the political situation in the country. The author relies on the most significant works of literature on this topic revealing the mythological motives of home and family in them.

Key words: a homelessness, a mythologem, a home, a family, an archetype of a wanderer.